

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.47

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

Н. А. Купина

Екатеринбург, Россия

N. A. Kupina

Ekaterinburg, Russia

ИДЕОЛОГЕМА «ИНОСТРАННЫЙ АГЕНТ»: ТРИ ДНЯ В ИЮЛЕ 2012 ГОДА

Аннотация. На материале газетных публикаций трех июльских дней 2012 г. рассматривается функционирование идеологемы «иностранный агент». В проекции на политический язык советской эпохи демонстрируются процессы идеологической субSTITУции и языкового сопротивления.

Ключевые слова: законопроект; идеологема; идеологическая память; идеологическая подозрительность; идеологическая субSTITУция; языковое сопротивление.

Сведения об авторе: Купина Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Бориса Николаевича Ельцина.

Контактная информация: 620000, Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, каб. 312.
e-mail: natalia_kupina@mail.ru.

В языке советской эпохи существительное *агент* [См.: ТСУ 1935: 11; СО 1986: 19 и др.] функционировало в широком значении «лицо, уполномоченное кем-чем-н. (учреждением, предприятием) для выполнения служебных, деловых поручений» в сочетаниях типа *страховой агент*, *агент по снабжению*. Сегодня в том же значении параллельно употребляется слово *менеджер*, чаще с предлогом *по*. Словарями отмечаются также нормативные сочетания *агент уголовного розыска* [ТСУ], *дипломатический агент* [СО]. Зависимые члены в подобных синтагмах конкретизируют вид служебных поручений.

Второе системно-языковое значение («лицо, являющееся ставленником кого-л., служащее чьим-л. интересам» [МАС 1981, т. 1: 24]) получает идеологическое наполнение, обнаруживающее себя в сочетаниях *иностранный агент* (далее — а.), а. *буржуазии*, а. *империализма*.

Третье значение толкуется лексикографами с помощью идентификатора *шпион* без уточнения [СО] или с помощью идентификатора *секретный сотрудник* и конкретизатора «какого-л. государства». При этом сочетание *агент СССР* не употребляется: этому препятствует имплицитный смысл **«враждебное государство или его разведы-**

N. A. Kupina
Ekaterinburg, Russia
**IDEOLOGEM: “FOREIGN AGENT”:
3 DAYS IN JULY 2012**

Abstract. The article investigates the functioning of ideologem “foreign agent” on the basis of the newspaper materials of the three days of July 2012. The investigation compares the current usage of the ideologem with political language of the Soviet era and demonstrates the process of ideological substitution and language opposition.

Key words: legislation bill; ideologema, ideological memory; ideological suspiciousness; ideological substitution; language opposition.

About the author: Kupina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rethorics and Stylistics of the Russian Language.

Place of employment: Ural Federal University named after Boris Yeltsin.

вательная служба». Идеологически правильными становятся следующие высокочастотные синтагмы: *американский агент*, *британский а.*, *германский а.*; *а. Абвера*, *а. ЦРУ*. Устойчивое сочетание *вражеский а.* используется в политической речи как обобщающий идеологический классификатор.

Второму и третьему значениям соответствует собирательное существительное *агентура* и относительное прилагательное *агентурный*. *Агентура* — «разведывательная служба, организуемая с целью сбора секретных сведений и проведения подрывной работы» [МАС].

В текстах действующих стилей тенденциозная идеологическая семантика формировалась в границах дилеммы «свой — чужой»: *Нет контрразведки сильнее и активнее нашей*, однако *мы твердо знаем, что их агентура к нам просачивается и работает на них* (А. Герман). Политически значимым стало сочетание *агентурная сеть*, передающее представление об организованности и распространенности секретной шпионской деятельности агентов вражеских иностранных государств. Знаменательно, что значение «секретная организация, осуществляющая разведывательную, шпионскую, сыскную работу» отмечается новейшими тол-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки России (проект «Многоречие в социокультурном пространстве современной России»).

© Купина Н. А., 2012

ковыми словарями [ТСРЯ 2008: 5]. В идеологической памяти дублеты *агент*, *шпион* сохраняются в зоне «чужого», враждебного.

Отождествление семантики номинаций *агент* и *шпион* подтверждается данными словарей синонимов, которые дифференцируют эти единицы стилистически. В ряду существительных лица *разведчик*, *агент*, *шпион*, *лазутчик*, *резидент* окрашенными оказываются лексемы *агент* (офиц.), *шпион* (неодобр.), *лазутчик* (устар). При интерпретации слова *агент* выделяются две особенности: это «**официальное** название»; это название «секретного сотрудника **иностранный разведки**» [Словарь синонимов... 1971, т. 2: 331]. Существительное *шпион*, и это специально подчеркивается словарем, выражает «резко отрицательное отношение к лицу, работающему **на иностранную разведку**». Таким образом, в значениях синонимов *агент*, *шпион* выделяется общая семантическая доля «лицо, работающее **на иностранную разведку**».

Справочная литература советского периода нередко акцентирует фактическое тождество нравственного облика агента и шпиона: *В качестве агентов (шпионов) капиталистические разведки вербуют людей морально разложившихся, предателей своего народа* [БСЭ 1969, т. 1: 291]. Подобные контексты внедряют равнооценочное (негативное) отношение к деятельности агентов и шпионов, усиливают тождественность восприятия соответствующих взаимозаменяемых понятий.

В постсоветской России слово *агент* активно употребляется в официально-деловой экономической сфере, а именно в текстах документов, отвечающих жанру гражданско-правового договора, в соответствии с которым «одна сторона (*агент*) обязуется **за вознаграждение** совершать по поручению другой стороны (*принципала*) юридические и иные действия **от своего имени**, но **за счет принципала**, либо **от имени и за счет принципала**» [ЮЭС 2004: 6]. Здесь важной является финансовая составляющая значения (агент совершает действия «за счет принципала»), а также целевая установка действия (агент действует по распоряжению принципала и в его интересах). Как видим, в текущей официальной финансово-экономической деятельности агент — это зависимое лицо, нанятое заказчиком, обязанное действовать по особой программе заказчика и получающее финансовое вознаграждение от этого заказчика. Агентом, как следует из юридического понимания смыслового наполнения лексемы, может быть и физическое лицо, и организация.

В обыденном языковом сознании со словом *агент* до настоящего времени прочно связан идеологически насыщенный смысл «шпион, секретный наемный сотрудник, ставленник иностранного государства, из корысти действующий в интересах врага». Этот смысл сопровождает презрительная эмоционально-оценочная окраска [Козинец, Санджи-Гаряева 2009: 10; Мокиенко, Никитина 1998: 27].

Многочисленные политические кампании по разоблачению вражеских агентов оставили след в коллективной идеологической памяти. Агент неизменно оказывался «чужим», надевающим маску «своего». Целевая установка показательных процессов — сорвать маску с агента, показать его истинное лицо. В подсистеме находившихся в политическом обороте устойчивых сочетаний центральное место занимала обобщающая номинация *иностранный агент*, ставшая в наши дни логоэпистемой [Бурвикова, Костомаров 2005: 422] — пропущенной через лингвокультурный опыт народа эмблемой советских политических текстов обличительного и разоблачительного характера, «воронкой, втягивающей в себя слои из фонда культурной памяти» [Гаспаров 1994: 275]. Потенциальное воздействие сочетания *иностранный агент* определяется встроенными в коллективный опыт культурно-фоновыми предикатами: «не наш», замаскированный, корыстолюбивый «враг».

Идеологический взрыв «текущего момента» (Т. В. Шмелева) обусловлен информационным сообщением: Госдума по представлению фракции «Единая Россия» (ЕР) в первом чтении будет рассматривать законо-проект об НКО (некоммерческих общественных организациях).

База данных «Интегрум», которой мы воспользовались, позволяет проследить реакцию российской прессы на возможное утверждение закона об НКО. В статье анализируется газетный языковой материал. Далее курсивом будут представлены извлечения из следующих изданий: «Ведомости», «Известия», «Коммерсантъ», «Московская правда», «Московские новости», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Российская газета» (5.07.2012—7.07.2012).

Из СМИ стало известно, что *единороссы предлагают, по сути, выделить особую категорию общественных объединений: те из них, которые получают финансирование из иностранных источников и одновременно участвуют в политической деятельности, должны войти в специальный реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента*. Так в речевой оборот

была заброшена новая старая идеологема *иностранный агент*. Отсылка к предстоящему утверждению в первом чтении текста закона способствовала осознанию базового словосочетания как официального понятия и одновременно идеологического ярлыка, вызывающего сильные эмоции. Возвращаются синтагмы *навешивать/приклеивать ярлык*, например: *К получающим финансирование из-за рубежа НКО применяется термин „иностранный агент“* — официальное понятие; ср.: *Общественным организациям приклеивается ярлык*, который нас (т. е. россиян) отсылает к стереотипам генетической памяти — *„иностранный агент“* — идеологическая оценка.

Политологи, поддерживающие законодательную инициативу, разъясняют, что разработанный проект закона об НКО соответствует мировому опыту: *В мировой практике существует целое направление неправительственных организаций, которые занимаются внешнеполитической деятельностью и, в частности, влияют на политические режимы в других странах с целью их смены*. Особо подчеркивается тот факт, что законопроект фактически является калькой с американского закона FARA — акта о регистрации иностранных агентов. Последний трактуется как соответствующий нормам демократии, принятый *в практике демократического государства*. Наблюдается одна из тенденций, определяющих российскую политическую коммуникацию: «Америка все чаще стала выступать как пример всеобщего благоденствия и ориентир для нашей страны» [Будаев, Чудинов 2009: 45]. В данном случае налицо пересечение не забытого современниками советского и актуального американского политических языков.

Официальная трактовка предусматривает статус иностранного агента для НКО, которые, во-первых, осуществляют политическую деятельность, во-вторых, финансируются зарубежными структурами: *Новый законопроект предусматривает наделение российских некоммерческих организаций, которые занимаются политической деятельностью и имеют зарубежные источники финансирования, статусом НКО, выполняющих функции иностранного агента*.

Развернувшаяся дискуссия выявила рациональный, собственно идеологический, эмоциональный подходы к проблеме, имеющей лингвистические основания.

Рациональный подход сосредоточен на уточнении официальной терминологии: Камнем преткновения стал *термин „иностранный агент“*; Критике подвергли также *определение „политическая дея-*

тельность“; Больше всего нареканий у экспертов вызвала сама *формулировка „иностранный агент“*; Общественная палата признала *термин „иностранный агент“* не соответствующим отечественному законодательству; Наиболее существенной частью информационной картины вчерашнего дня, безусловно, следует признать ... *заключение на законо-проект об иностранных агентах* Общественной палаты РФ. Там *напрочь отвергается* один из главных постулатов законодательной инициативы ЕР — те самые *пресловутые „иностранные агенты“*. Как видим, эмоциональная оценка проникает даже в терминологические интерпретации. Нельзя не заметить потенциально оценочного утверждения о наличии в стране разветвленной агентуры: Очевидно, что в России действует целая сеть неправительственных организаций, оплачиваемая деятельность которых вызывает подозрения относительно целей заказчика.

Еще один рациональный довод — необходимый контроль оборота финансовых средств внутри страны: В целом администрация Президента придерживается достаточно *жесткой позиции* в отношении объемов нелегального *оборота средств* внутри российского *третьего сектора* и выступает за *жесткий контроль* в отношении реестровых НКО; В пример единороссы *ставили ассоциацию „Голос“, которая в прошлом году ... получила \$2 млн, хотя в прошлые годы эти цифры были гораздо скромнее*.

Размытость терминологического содержания ключевой синтагмы стимулирует идеологическую подозрительность, активизируется ставший формульным смысл «НКО — это иностранный агент», например: ...*законопроект* предполагает присваивать *всем организациям, получающим финансирование из-за границы, статус „иностранный агент“*; Термин *„политическая деятельность“* в законе определен недостаточно конкретно, поэтому *„иностранным агентом“* могут признать *практически любую организацию*.

Противники законодательной инициативы используют впечатляющие эмоционально-оценочные аналогии, отвергающие правомочность законопроекта: ...*действительно будут сбиты и пострадают аполитичные НКО*, либо если и политические, то в первую очередь *честно-исследовательские* типа *„Мемориала“*; Как оказалось, под статус иностранного агента сегодня попадают и Владимир Жириновский, и один из авторов закона — едини-

росс Вячеслав Никонов. Другими словами, — „**все там будем**“. Контрагумент укладывается в границы угадываемого просторечного стереотипа «и козе понятно»: — *Вот, например, охрана кошек — это не политическая деятельность*, — заметил Никонов.

Громкие споры вокруг новой законодательной инициативы, вызванной необходимостью регулирования деятельности НКО, сопровождаются многократным цитированием ставшего прецедентным высказывания В. В. Путина: *Предыдущее ужесточение законодательства об НКО пришлось на 2005—2006 годы и основывалось, по сути, на сходной идее: создать максимально узкие рамки для тех, кто „шакалит у иностранных посольств“*. Сама законодательная инициатива объясняется политической стратегией, направленной на изменение общественного мнения: *Сторонники исправлений и дополнений (в текст законопроекта), похоже, исходят из того, что сейчас простосердечные люди всему верят и воспринимают извне профинансированных общественников как кристальных старцев и высоких авторитетов, а вот когда эти общественники будут вынуждены зарегистрироваться в качестве иностранных агентов, у людей откроются глаза*. Акротеза «общественники не кристальные старцы и не высокие авторитеты, а оплачиваемые иностранные агенты» переводит юридический спор в нравственный: цель закона об НКО — принародно сорвать маску с общественных деятелей, вывести их на чистую воду.

Еще одна типовая акротеза, связанная с официальной трактовкой термина, фактически подменяет логическую идентификацию финансовой процедурой: *Иностранный агент — это вовсе не шпион, но его (агента или шпиона?) финансирование должно быть прозрачным*. Тождество «иностранный агент = шпион = враг» находится в центре внимания дискутантов. Например: *Большинство членов Комитета Госдумы по делам общественных объединений и религиозных организаций рекомендовали принять 6 июля в первом чтении законопроект, который причисляет российские НКО, занимающиеся политической деятельностью на деньги зарубежных спонсоров, к иностранным агентам*. В самом термине „**иностранный агент**“ нет ничего предосудительного — это вовсе не шпион; Общественная Палата Российской Федерации осуществила экспертизу проекта федерального закона 102766-6 „*О внесении изменений в отдельные законодательные*

акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента“ … Посмотрев в словарь Ожегова (напомним, что одно из значений слова «агент» толкуется в этом словаре через идентификатор «шпион» без уточнения), эксперты ОП назвали термин „**иностранный агент**“ клеймом и призвали депутатов конкретизировать формулировки, позволяющие широкую трактовку, — например, понятие „*формирование общественного мнения*“, за которое НКО, получающее деньги из-за рубежа, могут получить „*лейбл*“ „**иностранный агент**“. Ср. также открытую идеологическую трактовку: *Еще с советских времен иностранный агент и враг государства для наших соотечественников — одно и то же*. Таким образом, в процессе «движения к истине» осуществляется «акт лексической трансценденции», которая понимается как «упорядочивающая работа, опирающаяся на упорядоченный характер самого языка» [Барт 2001: 77; 94]. Системно-парадигматически обусловленная связь синонимических номинаций *агент*, *шпион* определяет объективную предсказуемость герменевтической процедуры, которой управляет «невидимая рука языка».

Общее место дискуссионных высказываний — лингвоидеологический довод: нецелесообразность употребления оценочной лексики в юридических документах (*Сами слова „иностранные агенты“ вызывают негативные ассоциации у всех, кто знает русский язык*).

Приведенные контексты обнаруживают неискорененность советских идеологических стандартов, потенциальную возможность их актуализации в новой ситуации, допускающей свободную политическую дискуссию.

Опирающийся на коллективную память стереотип «агент — это шпион, а значит враг» усиливает идеологическую подозрительность: законопроект, по мнению правоохранителей, активистов гражданского общества, апеллирует к архетипам сталинской эпохи. Все это объясняет возникшую волну сопротивления, непосредственно связанного с обозначенной в тексте законопроекта процедурой, которая может трактоваться как саморазоблачение: *НКО, получающие иностранные деньги и занимающиеся политической, должны провозгласить себя иностранными агентами и представлять усложненную финансовую отчетность; Такие организации должны в явочном порядке обратиться в Минюст с просьбой включить их в реестр НКО, „выполня-*

ющих функции иностранного агента, а потом сопровождать все свои материалы соответствующей подписью; Проект закона требует, чтобы материалы, издаваемые некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, и (или) распространяемые ею, в том числе в средствах массовой информации и (или) с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, должны сопровождаться указанием на то, что эти материалы изданы (распространены) некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента.

Активизируется языковое сопротивление [Купина 1997]. Одна из его форм — отрицательные высказывания: *Надо сказать, что почти всем выступающим не нравилось введение термина „иностранный агент“ (для общественной организации, которая получает финансирование из-за рубежа), а также формулировка, согласно которой особому порядку регистрации в Минюсте НКО подвергается, если занимается „политической деятельностью“; Ни один активист гражданского общества не согласится называть себя иностранным агентом; „Мемориал“ не будет регистрироваться как иностранный агент; — Мы не иностранные агенты! 36 лет работает наша организация, защищая российских граждан, — возмущалась глава Московской Хельсинской группы Людмила Алексеева. Заметно повышение частотности глагола отказываться/отказаться в высказываниях, содержащих указание на субъект сопротивления: Руководители попадающих под действие новых правил структур отказываются признавать сами себя иностранными агентами и заявляют о намерении бойкотировать этот закон; Она (Людмила Алексеева) призналась „НГ“: ее также смущает термин „иностранный агент“, и если законопроект будет принят, МХГ откажется от иностранных грантов. Органически присущая тексту законодательного документа императивность (модальность долженствования) воспринимается как идеологическая предписательность, обуславливающая нравственный выбор: Лучше остаться нищими, чем получить клеймо „иностранный агент“.*

В традициях отечественной культуры используются такие формы языкового сопротивления, как шутливо-иронические заголовки (*Агенты вышли на связь; Этим всё по*

закону; Вы чьи, агенты, будете?) и анекдоты на злобу дня: Я вот анекдот недавно слышал: „Выходит депутат Сидякин (член фракции „Единая Россия“) на трибуну и говорит: „Митинги мы ограничили, иностранных агентов выгнали, пора вводить крепостное право: на селе работать некому“.

Как свидетельствует языковой материал, несмотря на объективность официальной отмеченности слова *агент* в одном из его значений, сам факт использования в тексте законопроекта сочетания *иностранный агент* воспринимается как недопустимый. Идеологическая маркированность оказывается сильнее функционально-стилистической и поглощает последнюю. Актуализация в речи идеологемы *иностранный агент* оживляет языковые парадигматические связи, а сама идеологема попадает в зону родового понятия «враг». Идеологическая субституция и сопутствующая ей идеологическая подозрительность воскрешают в коллективной культурной памяти сценарии разоблачения врага с их устрашающими финалами. Как и в советское время, предписательность с неизбежностью порождает языковое сопротивление, которое, в отличие от советского периода, стало позитивным, открытым.

И сторонники, и противники новой законодательной инициативы признавали не полное соответствие текста законопроекта основным герменевтическим требованиям, соблюдение которых необходимо для документа: «...информация в нем должна обладать предметной отнесенностью, а изложение — фактологичностью и конкретностью»; обязательна также «однозначность толкования» [Романенко 2008: 15—16]. Развернувшийся публичный спор захлестнули эмоции. В процессе обсуждения терминологической некорректности официально-делового текста не выдвигались лингвистически и юридически адекватные нейтральные варианты обладающего суггестивностью ключевого словосочетания *иностранный агент*. Идеологические и эмоциональные аспекты интерпретации проблемы вытеснили аспект рациональный.

P. S. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал 21 июля 2012 г. закон об изменении статуса некоммерческих организаций, получающих финансирование, полностью или частично, из-за рубежа. В соответствии с новой нормой, НКО этого рода будут называться «иностранными агентами».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р. С/З.* — М. : Эдиториал УРСС, 2001.
2. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Лингвистическая советология / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2009.
3. *Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Г.* Единицы лингвокультурного пространства (в аспекте проблемы толерантности) // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллектив. моногр. / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. — М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 419—433.
4. *Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы: очерки русской литературы XX века. — М. : Наука : Восточная литература, 1994.
5. *Купина Н. А.* Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997.
6. *Романенко А. П.* Советская герменевтика. — Саратов : Наука, 2008.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

7. *БСЭ* = Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. — М. : Сов. энцикл., 1969. Т. 1.
8. *Козинец С. Б., Санджи-Гаряева З. С.* Словарь советизмов (наименования лиц): пробный выпуск. — Саратов : Наука, 2009.
9. *МАС* = Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. — М. : Русский язык, 1981. Т. 1.
10. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. — СПб. : Фолио-пресс, 1998.
11. *Словарь синонимов* русского языка : в 2 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. — Л. : Наука, 1971. Т. 2.
12. *СО* = Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М. : Русский язык, 1986.
13. *ТСРЯ* = Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — М. : Азбуковник, 2008.
14. *ТСУ* — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. — М. : Сов. энцикл., 1935. Т. 1.
15. *ЮЭС* — Юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. В. Е. Крутских. — М. : ИНФРА-М, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов